

Понт - или, еще конкретнее, Понтийская Каппадокия - известная античности историко-культурная область, которая территориально почти совпадает с границами османского Трапезундского вилайета начала XX в. (современные илы Самсун, Орду, Гиресун, Трабзон, Гюмюшхане, Ризе и частично Артвин), т.е. полосой южного побережья Черного моря, замкнутой между рр.Кызыл-Ирмак на западе, Чорох на востоке и горной системой Антитавр на юге. В данном контексте слово "Понт" является не греческим эквивалентом современного гидронима "Черное море" (греч. антич. Pontos Euxinos, тур. Kara Deniz, арм. Sev Tsov и др.) и не названием всей его прибрежной полосы, за которой все сильнее утверждается в науке более точное по смыслу - "Циркумпонтийская зона". Эта область обособлена и вполне самостоятельна с точки зрения ландшафтных и климатических условий, хотя и делится внутренне на несколько подчиненных зон, прежде всего равнинную прибрежную, предгорную и лишь частично высокогорную, тяготеющую больше к су-ровому континентальному внутрианатолийскому плато. В свое время С.А.Арутюнов обратил внимание на интересное явление, когда на одной и той же территории "мы можем выделить несколько типов культуры, т.е. очерчиваемых изопрагмами (границами распространения однотипных элементов культуры) комплексов, ареалы которых сохраняют свою стабильность на протяжении весьма длительного времени, несмотря на смену конкретных археологических культур (и, добавим, этнических и языковых общностей - И.К.) в каждом ареале. Примером может служить четкое деление неолитической Японии на протяжении более чем семи тысячелетий ее развития на западную и восточную, с четко фиксированной границей, которая даже в наши дни совпадает с границей западной и восточной диалектных групп японского языка" (Арутюнов 1989, 71). Такие ситуации постоянно встречаются на Кавказе, когда культурные барьеры, возникшие в какой-либо очень ограниченной местности, ощущаются там еще и до сих пор, несмотря на многократную смену населения. Вот только два примера. Флавий Арриан и другие писатели I-II в. фиксируют на территории Абхазии две этнические общности - Iапсилы и Iабазы. Очень соблазнительным было бы отождествить одних с предками современных абхазцев (самоназв. Iапсуа), а других - с современными абазинами (Iабаза), что и делает большинство исследователей. Тогда получается, что время распада их языков чуть меньше 2 тысяч лет. Но это противоречит здравому смыслу. Мы знаем, что различия между ними очень незначительные, в то же время 1800-1900 лет - это время, достаточное для распада германских, славянских, тюркских языков, для образования романских. Но так ли близки английский немецкому, польский русскому, чувашский турецкому, латынь румынскому, как абхазский абазинскому? Совершенно аналогичную ситуацию встречаем на Северном Кавказе. Языковые различия между чеченцами и ингушами ничтожно малы, они едины в конфессиональном отношении, поверхностный взгляд не фиксирует между ними и серьезных этнокультурных различий; тем не менее уже у Страбона (I в.н.э.) упоминаются Iгаргареи (ср. само-название ингушей "Iгалга") - а позже у Моисея Хоренского (VII в.н.э.) - Iнахчаматяны (ср. само-название чеченцев "Iнахчо"), т.е. время распада вайнахского языка опять не менее 1300-1900 лет. Именно под таким углом зрения и следует рассматривать этнокультурную историю Понта, для которого, с одной стороны, характерна определенная культурная целостность на протяжении, по крайней мере, 2,5 тыс. лет; а с другой - константы внутренних отношений между различными частями и зонами. Вообще культуры этнических групп, живших в Понте в начале нашего столетия, напоминают скорее слоеный пирог, где то там, то здесь проступает какой-нибудь очень древний субстрат, и лишь самый верхний слой обычно связан напрямую с той переселенческой волной, которая оставила нам язык или этническое самосознание. В эпоху, когда в источниках (египетских, хеттских, ассирийских) появляются первые этнонимы, эта историко-культурная область населялась племенами Iхалиту-халибов (халды?), дайэни-ди- Iау(е)хи, кашка-каскейцев, кулха-колхов и др.; некоторые из них были предками позднейших западно-грузинских (занских) и абхазо-адыгских племен. В VIII-VII в. до н.э. на побережье появляются первые колонии Iгреков-ионийцев (Синопа, Трапезунт, Амис и др.). Появление здесь первых Iармян средневековые армянские историографы (Гевонд, Ован Мамиконян) связывают с событиями VIII в.н.э. - переселенческой волной из Армении из-за усиления гнета Арабского халифата. Возможно, какие-то случайные группы армян проникали в Понт и раньше, в дальнейшем эти переселенческие волны (в основном из Ани-Ширакской Армении) не раз повторялись (1064, ок. 1240, 1320-е гг.). Первые же тюрки - Iтуркмены, Ак-Коюнлу - появляются здесь (в Джанике) к XIII-XIV в. В некоторые периоды историко-культурное единство Понта усиливалось его политическим обособлением (Понтийское царство 302-63 гг. до н.э., царство

Полемона I кон. I в. до н.э., Трапезундская империя 1204-1461 г.), но в основном он как периферия входил в состав различных держав, начиная от Римской империи и кончая Османской и современной Турцией. К концу девятнадцатого столетия население Понтийской истори-ко-культурной области представляло собой уникальную этническую и конфессиональную мозаику из групп с турецким, греческим, грузинским, лазским и армянским самосознанием. Понтийские греки распались на несколько локальных субэтнических групп (Трапезундцы, сантэти, мацукати, керасунтцы, ордуй-цы, самсунцы); были среди них сохранившие православие, но перешедшие на турецкий язык (Бафорцы) и, наоборот, грекоязычные мусульмане (Тонья, офцы, кромцы), а также группы, переходные в конфессиональном отношении - т.н. "ставриоты" или тайные христиане (например, в Санта). Субэтнические подразделения, подобные греческим, имелись и у армян: трапезундские (включая Мала, отличающихся этнографически и диалектно), Ордуйские и Джаникские (уньцы, термецы, чаршампацы, Фатсацы). Особняком от них стояли мусульмане - Хемшилы, которые в отличие от греков-мусульман с переходом в новую конфессию утратили свое прежнее самосознание и делились на нечто типа больших патронимических групп (Турцеванцы и Ардылейцы). За армянами Понта в литературе, и прежде всего в средневековой армянской историографии, укрепилось название Амшенских, которое так же как и Хемшилы, видимо, происходит от их эпонима (hАмам - армянский нахарар VIII в., основатель общины > hАмамашен, букв. "поселение hАмама"). Картвелозычные грузины (Джарцы, имерхевцы) и Лазы были все без исключения мусульмане и очень быстрыми темпами переходили на турецкий язык, особенно Лазы. Лазы тоже делились на локальные группы, которые к тому же еще и сильно различались в диалектном отношении: Хопские, Вицско-архавские и Латинские. Как известно, последние сильные изменения в этническом составе Понта произошли в кон. XIX - нач. XX в. В обстановке усилившихся гонений на этнические и конфессиональные меньшинства, последовавших за этим погромов и настоящих актов геноцида армяне и греки вынуждены были покинуть Трапезундский вилайет и расселиться на Кавказском побережье (современные Краснодарский край, Абхазия, Аджария и Крым). С другой стороны, после окончания Кавказской войны не примирившиеся с владычеством России горцы-махаджиры (Адыги, убыхи, абазинцы, абхазцы) селятся в Понте в окрестностях Самсуна.

* * *

Этот этюд посвящен одному очень "понтийскому" элементу традиционной культуры армян, выселившихся из Трапезундского вилайета, - вышитому полотенцу. Полотенце в понтийско-армянской среде имеет несколько локальных названий. На большей части некогда занимаемого ими в Турции ареала (Джаник, Орду) оно называлось Йаглюг (тур. *yaglık* - большой носовой платок), в трапезундских армянских селениях - Пнэшкир (пер. через тур. *reskir* "полотенце"). Кроме того в селах бывшего Армянского района Краснодарского края, где живут джаникцы, преобладающе из окрестностей Унье, мною была зафиксирована еще одна форма Таглах - очевидный дериват первой, т.е. джаник-ордуйской. Йаглюги (точное локальное название неизвестно) имеются и у мусульман-хемшилов (этноконфессиональная группа, связанная своим происхождением с амшенскими армянами-христианами). Во всяком случае, мне известно такое полотенце, с вышитыми пожеланиями по-узбекски, в одной семье, в середине 80-х г. переселившейся из местной высылки - Узбекистана в предместьях г. Апшеронска Краснодарского края (х. Ким). Амшенские йаглюги, раньше домотканые, а теперь в основе вафельные фабричные, имеют длинную, более 1 м, прямоугольную форму и всегда украшаются вручную бахромой, резе кружевом, монистом, монетами и, главное, вышивкой. Мотивы последней разнообразны: поперечные и продольные полосы, геометрические фигуры и изображения мирового древа в различных вариантах, петухов как композиционного центра. Для традиционного орнамента этих полотенец, как и для цветовой гаммы амшено-армянской одежды, характерно избегание открытого черного цвета. Узоры вышиваются крестом или гладью. Создается впечатление, что йаглюг выполнял первоначально только ритуальную функцию и даже после известной секуляризации традиционного амшено-армянского общества долго еще не мог вытесниться изменившейся системой ценностей и обрести более привычную для нас роль кухонного или банного полотенца. К 1890-м г. относится наблюдение археолога, краеведа Кубанской области В.М. Сыроева, посетившего армянские села, только что образованные джаникскими переселенцами Майкопского отдела (горные части совр. Туапсинского и Апшеронского районов). Он отметил, что тамошние армяне после мытья руки не вытирают, а ждут, пока они высохнут на ветру (Сыроев 1901, 2-3), т.е. вовсе не пользуются полотенцем. Хотя в этих же

группах армян традиция изготовления йаглугов никогда не прерывалась. С другой стороны, в наши дни свадебные йаглуги, точнее их вышивка и украшение, заказываются особым мастерам и стоят дорого; даже после свадьбы обладатели их расстаются с ними очень неохотно долго хранят в своих сундуках и шкафах "на память". В хозяйственных же целях предпочитают пользоваться другими фабричными полотенцами, которые, особенно импортные, могут стоить гораздо дороже. Правда, мне встречалось и совершенно противоположное отношение к старым, сыгравшим свою роль, йаглогам. Одна женщина из армянских армян, по ее словам, срезав бахрому и кисточки с йаглугов, бывших на ее собственной свадьбе, использовала их для вытирания ног и как половую тряпку, что опять-таки может свидетельствовать о каком-то барьере в их простом, "незнакомом" применении. Насколько удалось реконструировать, йаглуги у армян традиционно применялись и отчасти применяются до сих пор лишь в ритуалах жизненного цикла: Крестины 0.

По завершению церемонии крестному полагалось одно рукодельное полотенце (Мурадян 1901, 32). Сейчас не соблюдается. Свадебный цикл: Т.н. 1 "второе сватовство" 0. У армян Абхазии, Сочи называется йаглуг дэвуш 0, букв. "давать йаглуг". В кульминационный момент, в знак согласия на брак, невеста преподносит на подносе отцу и братьям жениха вышитые ею йаглуги, которые после свадьбы снова возвращаются к ней. Более архаичный вариант - только 1 йаглуг для отца жениха - сохранился у трапезундцев. Со своей стороны свекор дарит ей украшения (золотые сережки, цепочку, часы), а свекровь - отрез на платье. Обручение 0. Парень надевает обручальное кольцо на палец девушки и дарит ей украшения (золотую цепочку и т.д.). Затем она одевает кольцо ему и одаривает его полотенцем, красивым платком или рубахой (Волкова 1983, 111). Собственно свадьба 0. 1 "Тилки" 0 ("лисицы" - мифологизированные представители стороны жениха из числа близких ему родственников или соседей, обычно 2-4 мужчины старше 30 лет) в ночь с пятницы на субботу идут в дом невесты, забираются там в курятник и воруют птицу. После возвращения они отдают курицу матери жениха в обмен на йаглуги, которые затем привязывают к гривам своих лошадей (Волкова 1983, 111). Бритье жениха 0. В роли бравурного жениха выступал его крестный. "За красоту" он просил у матери жениха выкуп в виде йаглуга, денег, платка. Сейчас не соблюдается. Свадебный поезд за невестой 0. Отправляется в субботу утром, если расстояние большое, - в пятницу днем. Музыкантам, которые сопровождают процессию, дарят йаглуги, которые они повязывают на правую руку, и деньги. Вхождение в дом невесты 0. Сторона невесты не пускает подошедший свадебный поезд и держит за калиткой до тех пор, пока кто-нибудь из него не даст выкуп - платок. По другому варианту, наоборот, родственники невесты стараются забрать у прибывших свадебное облачение, предназначавшееся для невесты, а те требуют повязать йаглуг в качестве выкупа (Тер-Саркисянц 1984, 14). Прощание невесты с домом 0. После завершения застолья в доме невесты участники свадебного поезда вместе с невестой исполняют 3 круга особого, приуроченного к этому моменту танца, во время которого мать невесты повязывает "свекру" на грудь йаглуги и 2 йаглуга крест-накрест (трапезундские армяне), либо несколько - по числу близких родственников жениха, т.е. "свекру", "братьям жениха", "крестному" (джаникцы). Это те самые йаглуги, которые фигурируют во "втором сватовстве". Перевоз невесты в дом жениха 0. Невеста, скрытая покрывалом, едет на лошади, которую ведет под уздцы "свекор" и гриву которой он обвязывает йаглугом из дома невесты. Сейчас йаглогами обвязываются машины свадебного эскорта. Вхождение в дом жениха 0. После церкви обвенчанные идут сразу в дом жениха, не возвращаясь больше к невесте. Во дворе ее новобрачная невесту встречает "свекровь". По одному варианту, она дарит своему сыну рубашку и полотенце (Тер-Саркисянц 1984, 14). Затем прибывшие со свадебным поездом "братья невесты" спрашивают у родителей жениха, какого цвета корова и какая кастрюля предназначены для невесты. Получив свое, они делают на ухе коровы пометку, а кастрюлю в 3 местах проводят спинкой ножа, имитируя надрезы. В кастрюлю вкладывают невестину туфлю, деньги. По Мурадян за этим преподносили по йаглугу (Мурадян 1901, 25-26). Сейчас обычно сохраняется. Кроме того, по сообщению одного информанта, по крайней мере, на территории Армянского района, йаглуги могли служить еще и знаком костюма жениха 0: 2 йаглуга, вложенные в боковые карманы куртки или шалвар, 1 йаглуг в руке и 1 - в верхнем кармане куртки. Похоронные ритуалы: 1 Смерть и подготовка покойника к ритуалу 0. Тело держат в доме обычно 2-4 дня. В эти дни в дом покойного должны придти родственники умершего, каждый из которых обязательно приносит какой-нибудь подарок, в том числе йаглуги или платок. Собственно похороны 0. Впереди похоронной процессии несут деревянный крест, опоясанный 2 йаглогами из числа принесенных в дом родственниками. Тем, кто несет крест и роет могилу, также отдают принесенные йаглуги. Очевидно, значение йаглуга как символа складывается из

егоосновных признаков: белый цвет, прямоугольная форма, вытянутая длина. Их семантика актуализуется в ряде связанных друг с другом бинарных оппозиций, пронизывающих мифологическое сознание и структурирующих данные ритуалы: "белое-черное", "светлое-темное", "доброе-злое", "мужское-женское", "целое-ущербное", "четное-не-четное", "квадратное-треугольное (недостаток одного элемента)" и др. Отсюда полотенце - прежде всего оберегающее средство, все его признаки - это части перечисленных антитез с позитивным значением. Дополнительную роль имеет смысл, который часто придается ему, например, в восточнославянской традиции - "дорога". Ср.: в погребальном ритуале у восточных славян гроб несут и спускают в могилу на полотенцах, и, наоборот, после выноса тела из дома полотенцем завязывают ворота, "чтобы смерть не вернулась обратно" (Маслова 1984, 94-96). Наиболее полно действия с йаглугом представлены в свадебных ритуалах понтийских армян. Приведенный выше их беглый обзор позволяет увидеть некоторые семантические закономерности: 1. Полотенцами обмениваются перед прохождением какого-то пути или символическим переходом из одного состояния в другое, за исключением единичного случая (обрядения жениха), когда они несут, главным образом, оберегающую и эротическую символику. 2. Донором почти всегда служит женщина: либо "свекровь", тогда вручение йаглуга идет по направлению от нее к "лисицам", "крестному", т.е. к породненной с домом жениха стороне (в свадебной "охоте" жениха за невестой она выполняет функцию медиатора); либо невеста (или заместитель - ее мать), которая также обменивается, но непосредственно со стороной жениха. 3. Реципиентом постоянно выступает только мужчина или его символ, напр. "лисица", "сторона жениха" (не невесты) и т.д. Направление движения йаглугов при обмене (невеста, женщина, "женская сторона" > жених, мужчина, "мужская сторона") соответствует общей вирилокальной тенденции амшенармянской свадьбы. 4. Связь женщины с ритуальными полотенцами может быть еще более глубокой. Возможно, мы имеем здесь дело со стертым образом женщины-ткачихи: греч. Арахна, женщина-паук, различие черного паука ("злая весть") и белого ("добрая весть") у русских, ср. белый цвет йаглугов, очень распространенные представления о ткачестве как об интимном запретном ремесле женщины и т.д. Такая зоо-морфная ипостась женщины неожиданно может найти себе место и вписаться в общий зоологический код амшенармянской свадьбы - сторона невесты здесь передает стороне жениха его символическое изображение (петушиный орнамент), впоследствии снова возвращающееся во владение невесты. В подтверждение этому, именно во время "второго сватовства" и прощания невесты с домом традиционно используются полотенца только с петушиным орнаментом. 5. Полотенца, их роль в свадебных ритуалах понтийских армян каким-то образом связаны с платками (Мэндил 0) и, возможно, противопоставляются им. Это противопоставление наиболее последовательно ощущается в двух имеющихся у нас в распоряжении зеркальных вариантах ритуала вхождения в дом невесты: йаглог дает сторона невесты стороне жениха, платок - сторона жениха стороне невесты. Новую функцию платка во всех случаях его применения не вписываются в какую-либо закономерность. Это и то, что таких случаев очень мало, а в ряде моментов полотенце и платок взаимозаменяемы, может быть свидетельством процесса вытеснения у амшенских армян платка полотенцем, который проходит с разной интенсивностью у различных субэтнических групп в направлении восток-запад: у мусульман-хемшилов доминирует роль платков, которые изготавливаются каждой женщиной в большом количестве, о какой-либо роли йаглугов у нас нет никаких данных; у трапезунских армян главным становится полотенце; у джаник-ордуйцев эта тенденция усиливается в числе ситуаций применения и в количестве применяемого. Исторический переход в свадебных ритуалах амшенских армян от платка к полотенцу, конечно, если удастся доказать реальность такого перехода, наверное, может быть прослежен и по диалектным названиям ведь в сущности йаглог означает не "полотенце" а "носовой платок" (см. выше), так же как и мэндил (тур. "салфетка", "носовой платок"), что может быть отражением более раннего состояния, до замещения платка полотенцем. Интересно и ареальное распространение вышитого йаглуга. Как известно, рушники, в том числе как элемент ритуалов жизненного цикла, обычны для культур Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Напротив у большинства коренных народов Кавказа, да и в Анатолии, они не встречаются. Нет их и в подавляющем большинстве историко-этнографических районов Армении. В то же время внутри Понта йаглуги широко бытуют не только у амшенских армян, но и у понтийских греков, а вне его пределов они известны только у армян-католиков (Державин 1906, 15, 19-20) на границах Понта и Высокой Армении. Этим ограничивается ареал действия данного признака на южном берегу Черного моря и в примыкающих районах. Но традиция широкого применения ритуальных полотенец известна и на северном берегу у армян Нор-Нахичевана, и, что особенно поразительно, у абхазцев (Малия 1970, 23, 36). Нор-Нахичеванцев

уже давно генетически увязывают с Крымом, а через Крым с армянами Ани и Трапезунда (напр. Поркшеян 1971, Минасян 1977, Хачикян 1969), и это совпадение традиций еще раз может подтвердить понтийско-амшенско-нор-нахичеванскую общность. Что же касается амшеноармянских и абхазских параллелей (каки понтийско-греческих - возможного источника для обеих традиций), то несмотря на то, что они в целом сильно отстоят друг от друга, все же наблюдается и ряд очень интересных сходжений. Например, у армян во время свадьбы два йаглуга повязываются матерью невесты крест-накрест на грудь свекру, а у абхазцев сама невеста дарит свекру один йаглуг. Этот йаглуг (абх. psx, psx trax's) выткан в виде креста, а его совершенно неожиданная форма может служить отдаленным намеком на перепоясывание. Далее, в двух случаях абхазские полотенца связаны с лошастью (либо как эквивалент приравниваются ей по цене, либо служат предметом спора конных состязаний на свадьбе), что также отдаленно указывает на семантику "пути". Наконец, направление движения полотенца в качестве даров у абхазцев, в основном, то же, что и у амшенских армян (и у понтийских греков): от женщины к мужчине, от стороны невесты к стороне жениха. Очень похоже, что понтийская (не только амшеноармянская, но и греческая) и абхазская традиция соотносятся друг с другом как два варианта одной пратрадиции или пратекста. Все это невозможно объяснить армяно-абхазскими контактами уже на Кавказе, как пробовала предположить А.Е. Тер-Саркисянц (1984, 13), поскольку у армян йаг-луг, как уже было определено, - общепонтийская черта, рушники же у абхазцев были известны задолго до появления здесь армян. Возникает вопрос о конкретном времени образования понтийско-абхазских сходжений. Наиболее вероятно следующее объяснение: абхазцы могли воспринять какие-то понтийские традиции через колхидский культурный мир в период активной греко-византийской экспансии, продолжавшейся с переменным успехом вплоть до монгольского нашествия.